

Красильникова Оксана Сергеевна

старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии
Кемеровского государственного университета,
соискатель кафедры культурологии Кемеровского
государственного института культуры

ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО»

Аннотация:

В статье произведен обзор некоторых подходов к рассмотрению образа «чужого», существующих в отечественной науке и по-разному раскрывающих это понятие. Изучены концепции Л.Н. Гумилева, Ю.М. Лотмана, В.И. Маркова и А.В. Павловской. Приведены исторические примеры восприятия «чужого». Отмечена дискуссионность проблематики, вызванная различным пониманием исследуемой категории. В результате анализа этнологического, семиотического, системного, историко-гастрономического подходов выявлено, что исследователи используют различные маркеры «чужого»: единство языка, культуры, вероисповедания, стереотип поведения, систему ценностей, традиции питания. Высокая значимость проблемы объясняется тем, что образ «чужого» присутствует в любой культуре, его концептуальное понимание и обоснование позволит проанализировать сложные вопросы межкультурной коммуникации. Это особенно важно в условиях глобализации, когда вопрос сохранения культурной самобытности выходит на первый план.

Ключевые слова:

«чужой», «свой», межкультурная коммуникация, семиотика, системная парадигма, этногенез, традиции питания, граница.

Krasilnikova Oksana Sergeevna

Senior Lecturer, Department of History,
Philosophy and Cultural Studies,
Kemerovo State University,
External PhD student, Cultural Studies Department,
Kemerovo State Institute of Culture

THE IMAGE OF THE FOREIGN: INTERPRETATIONS, APPROACHES, AND HISTORICAL EXAMPLES OF ITS PERCEPTION

Summary:

The study reviews several approaches to dealing with the image of the foreign treated differently by Russian scientists. The author examines the theories of L.N. Gumilev, Yu.M. Lotman, V.I. Markov, and A.V. Pavlovskaya and presents the historical examples of perception of the foreign. The subject matter is of a debatable nature because of its multiple interpretations. The analysis of ethnological, semiotic, system-based, historical and gastronomic approaches allows one to reveal that researchers use different markers of the foreign: common language, culture, religion, behavioral pattern, value system, food tradition. The image of the foreign can be found in any culture. The conceptualization of this category makes it possible to analyze the challenges of intercultural communication. This is particularly important in the context of globalization that necessitates preserving the cultural identity.

Keywords:

the foreign, friend, intercultural communication, semiotics, system paradigm, ethnogenesis, food tradition, border.

Мировая история и культура демонстрируют разные формы взаимодействия и межкультурной коммуникации: от миграции до завоевательных походов и дипломатии. В результате коммуникации формируется культурная оппозиция «свой – чужой». Образ «чужого» остается актуальной проблемой культурологического и исторического знания, поскольку процесс взаимодействия, общения, обмена между культурами постоянный. В связи с этим важными концептуальными вопросами в исследованиях по межкультурной коммуникации выступают понимание «чужого», его трансформация, взаимодействие с опытом другой культуры, определение границы между «своим» и «чужим».

Цель статьи – представить интерпретации понятия «чужого» в культурологии, проанализировать его специфику с привлечением исторических примеров. Степень изученности темы достаточно широкая, в XX в. рассматривались ее исторические, социологические, социокультурные аспекты. Для анализа выбраны интерпретации «чужого», по-разному трактующие это понятие и позволяющие выявить его уникальность.

В работах исследователей можно выделить такие подходы к понятию «чужой», как этнологический (Л.Н. Гумилев), семиотический (Ю.М. Лотман), системный (В.И. Марков) и историко-гастрономический (А.В. Павловская).

В концепции этногенеза Л.Н. Гумилева проблематика «чужого» раскрывается через противопоставление этноса всем остальным на основе деления «мы – не-мы». Осознание «чужого» помогает утвердить свою исключительность. Из критериев, которые прежде считали главными в определении обозначенного противопоставления, Л.Н. Гумилев сразу исключает единство языка. Существует много этносов, говорящих на одном и том же языке: английском (англичане и

американцы), французском (французы и бельгийцы), португальском (португальцы и бразильяны), но языковая близость не устранила между ними границу «чужого» [1].

Идеология и культура тоже не являются ключевой характеристикой противопоставления. В работе «Этногенез и биосфера земли» Л.Н. Гумилев приводит пример Византийской империи. Византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора, «своими». Но крещеные православные болгары воевали с греками. Значит, единое вероисповедание тоже не всегда становится интегрирующим маркером [2].

Отличительным свойством «своего» от «чужого», которое позволяет провести границы, являются этнические стереотипы. Стандарт поведения позволяет определить культурную идентичность. Одновременно он является механизмом, критерием и границей для противопоставления «чужому». Эти нормы рассматриваются как единственно верный способ существования этноса, то, что его объединяет изнутри и дает возможность противопоставить себя остальным этническим группам, создает границу, переход за которую дифференцирует тебя как «чужого». Например, древний афинянин с негодованием рассказывал, что скифы напиваются до бесчувствия, хотя скифы всего лишь не разбавляли вино водой. Скифы делали тот же вывод, наблюдая вакханалии греков. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обряд обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали непристойным незакрытые лица французских дам [3, с. 99–100].

Сила этнического стереотипа поведения настолько велика, что он позволяет воспринимать свой этнос как единственно достойный и, как следствие, побуждает его представителей стремиться сохранять свою уникальность. Все остальные воспринимаются как «чужие», которые находятся за границей привычного. Эти «чужие» – варвары и дикари. Деление на «своих – чужих» возможно в границах одного этноса. Так, Л.Н. Гумилев приводит пример из русской истории XV в. Иван III шел на Новгород «не яко на христиан, но яко на язычник», так как московиты перестали воспринимать новгородцев как единый этнос, как «своих», поскольку «индикатором этнической симпатии в то время являлось вероисповедание» [4, с. 198].

Примеры «чужого» и границы внутри одной культуры представлены в русской дворянской среде XIX в. В этот период тоже не было единства, поскольку галломания не стала стилем жизни всех дворян. Некоторые консервативно настроенные дворяне оказались «чужими». Интересный случай описан Ю.М. Лотманом. С.Н. Глинка провожал Н.М. Карамзина, покидавшего Москву в 1812 г., следующими словами: «Куда же это вы удаляетесь? Ведь вот они приближаются, друзья-то ваши! Или наконец вы сознаетесь, что они людоеды, и бежите от своих возлюбленных!» [5, с. 474]. Отношение к французам провело границу внутри дворянской культуры. Следует отметить, что война изменила вектор симпатий в отношении к Наполеону: некоторые из бывших бонапартистов стали рьяными патриотами, галлофильские восторги трансформировались в галлофобию.

Приведенный пример демонстрирует внутренние границы. По мысли Ю.М. Лотмана, культура всегда начинается со строгого разграничения мира на внутреннее и внешнее пространство, а граница – один из параметров уникальности. Его исследовательская позиция основана на семиотическом мировосприятии, все пространство семиосферы будут пересекать разные границы. Так как рубеж – необходимое условие существования любого культурного пространства, никакое «мы» не может существовать, если отсутствуют «они» [6, с. 219]. На примере культурной ситуации XIX в. в русской дворянской среде видно, что границы между «своей» русской культурой и французской как «чужой» претерпели изменения. Стиль жизни, вещи, мода дворян в XIX в. были заимствованы из Франции. Статус «чужого» принципиально менялся в дворянской культуре настолько, что нашествие Наполеона практически не изменило отношения к французской культуре. Письма, дневники, мемуары по-прежнему писали на французском языке. Герой войны 1812 г. Д.В. Давыдов начинает «Дневник партизана» эпиграфом на французском языке [7, с. 5]. Жена националиста, консерватора и франкофоба генерал-губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина содержала салон по французской моде в 1812 г., их детей учил французский гувернер, она и дочери приняли католичество. Исследователю XXI в. сложно оценить степень искренности их поступков. Это уже новое пересечение временных семиотических границ. Но если мыслить в категориях «свое – чужое», то можно предположить, что русское дворянство XIX в. трансформировало границу между этими категориями.

Подчеркнем, сказанное справедливо именно для дворянства. В народной, купеческой культуре культурная антитеза сохранялась настолько отчетливо, что обман «чужого» не рассматривался как страшное преступление. Иностранцы купцы постоянно жаловались на жульничество со стороны русских. «Купите алмаз – он с пятном, купите спичку – она без серы», – писал Жозеф де Местр [8, с. 432].

Ю.М. Лотман отметил парадоксальное отношение к договору. Обман в отношении с «чужим» воспринимался как купеческая хитрость, тогда как в «своей» среде расценивался как тяжкий грех. В то же время в отношениях со «своими» не требовалось обязательного договора, как с иностранцами, – договор заменяло доверие. Обманы случались, но по отношению к «своим» это строго осуждалось.

Таким образом, восприятие «чужого» в семиотическом понимании наполнено строгими разграничительными смыслами. Француз в народной культуре навсегда оставался «чужим» по религиозному и языковому принципам. Д.В. Давыдов вспоминал, что крестьяне не принимали русских офицеров за «своих» из-за их щеголеватого внешнего вида и подозрительного русского языка [9, с. 51].

Системное восприятие «чужого» в контексте отчуждения культуры предложил В.И. Марков. С этой точки зрения понятие границы предполагает разделение на «свое» и «чужое». Граница является системной характеристикой и демонстрирует культурную целостность. Противоположное понимание оценивает культурные феномены «чужого» по принципу «свободного перемещения из одной культуры в другую». Тогда граница воспринимается как ограничение возможностей культурного развития. Несистемное понимание культуры абсолютизирует принцип открытости. Попытки противостоять «чужому» воспринимаются как угроза нормальному культурному развитию [10, с. 72–73].

Таким образом, с точки зрения системного восприятия контакты с другими важны только с позиций активного противостояния «чужому». Это важная характеристика любой целостной культурной системы. Противостояние «чужому» позволяет сохранить собственное в неприкосновенности. Системная парадигма в отношении к «чужому» требует от культуры закрытости, избирательности в зависимости от исторических условий, ситуации, характера воздействия «чужого».

А.В. Павловская проанализировала аспекты межкультурного общения через традиционное питание, которое может не только объединять за общей трапезой, но и разъединять. Граница «чужого» в данном случае настолько сильна, что способна вызвать отвращение, ненависть при знакомстве с рационом «чужой» культуры. В качестве примера она приводит аргументы православного духовенства XI в., которое обозначало чуждость латинству не только в догмах, но и в традициях питания. Митрополит Киевский Георгий о латинском духовенстве сообщал: «...едят удувленину и мертвечину... едят и черепаху нечистую...». Святой Феодосий Печерский наставлял свою паству: «...вере же латынской не приобщаться, не соблюдать их обычаев... Ибо неправо они веруют и нечисто живут: едят ящериц, и диких коней, и ослов, и удувленину, и мертвечину, и медвежатину, и бобровое мясо, и бобровый хвост» [11]. Это дополнительная, но существенная, а главное – понятная граница. Догматические особенности православия и католичества требуют внимательного понимания, сопряжены с богословскими сложностями, а пищевая граница видима и осязаема. Иногда пищевая граница становится непреодолимым препятствием, строго отграничивающим «чужого».

Таким образом, в теоретическом плане образ «чужого» в межкультурной коммуникации – дискуссионная проблема, которая усложняется ее различным пониманием исследователями. Можно отметить ряд ракурсов видения вопроса. В концепции этногенеза Л.Н. Гумилева проблема «чужого» раскрывается через противопоставление этноса всем остальным на основе деления «мы – не-мы». В семиотической концепции Ю.М. Лотмана противопоставление «свое – чужое» всегда связано с пониманием границы между «своей» и «чужой» культурой. В.И. Марков отмечает, что проанализировать «свое – чужое» можно с точки зрения системного понимания культуры, каждый раз учитывая конкретные условия. «Чужой» не всегда воспринимается негативно, иногда его значение амбивалентно. А.В. Павловская в понимании «чужого» обратила внимание на повседневную культуру питания, предложив в качестве границы рассмотреть традиции питания народов.

Таким образом, перечисленные исследователи выделили следующие маркеры «чужого»: вероисповедание, системы ценностей, стереотип поведения, традиции питания. Проблематика «чужого» в культуре обоснована принадлежностью к разным, иногда противоположным системам ценностей. Ученые выделили несколько вариантов опыта восприятия «чужого»: от жесткого противопоставления в культурной антитезе «свое – чужое» до трансформации границы между «своим» и «чужим».

В современных условиях глобализации прикладное значение феномена «чужого» помогает увидеть уникальный опыт культур, противостоять тенденциям культурной унификации. Различные интерпретации «чужого» при сравнении со «своим» помогают сохранить национальную и культурную самобытность. Исторические примеры демонстрируют, что межкультурная коммуникация будет успешной, когда возможна адекватная интерпретация «чужого». Осмысление понятия «чужого» является необходимым условием понимания особенностей развития общества в прошлом и настоящем, поскольку проявление форм межкультурной коммуникации разнообразно, а современная жизнь отличается постоянной активностью, напряженностью. Глобализация обуславливает многие процессы, в том числе тенденцию к сохранению «своего» и, как следствие, противостоянию «чужому». Эти процессы актуализируют проблематику «чужого», исследовательские поиски и усилия по сохранению культурной самобытности. Дальнейшее нарастание тенденций мультикультурализма, глобализации определяет значимость заявленной проблематики.

Ссылки:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001. 642 с.

2. Там же.
3. Там же. С. 99–100.
4. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб., 2002. 352 с.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 2015. 604 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016. 445 с.
7. Давыдов Д.В. Дневник партизана. СПб., 2012. 381 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. С. 432.
9. Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 51.
10. Марков В.И. «Свое», «Чужое» и отчуждение в культуре. Кемерово, 2002. 176 с.
11. Павловская А.В. Традиции питания и проблемы межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Россия и Запад: диалог культур. 2014. № 5. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-11-32/323--q-q.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

References:

- Davydov, DV 2012, *Partisan's Diary*, St. Petersburg, 381 p., (in Russian).
- Gumilev, LN 2001, *Ethnogenesis and the Earth Biosphere*, St. Petersburg, 642 p., (in Russian).
- Gumilev, LN 2002, *From Rus' to Russia. Sketches of Ethnic History*, St. Petersburg, 352 p., (in Russian).
- Lotman, YuM 2015, *Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – early 19th Century)*, St. Petersburg, 604 p., (in Russian).
- Lotman, YuM 2016, *Inside the Thinking Worlds*, St. Petersburg, 445 p., (in Russian).
- Markov, VI 2002, *"The Friend", "the Foreign", and Alienation in the Culture*, Kemerovo, 176 p., (in Russian).
- Pavlovskaya, AV 2014, 'Food Traditions and Problems of Intercultural Communication', *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, no. 5, viewed 20 March 2019, <<http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-11-32/323--q-q.pdf>>, (in Russian).